

Из земли да в полымя

Мария ДРУК, «Р»

Какие перспективы у торфяной отрасли

Где «родился», там и пригодился — такой подход к использованию местных видов топлива активно укореняется в последние годы.

В результате целые отрасли получают новый стимул к развитию, а стране удается сэкономить финансы, которые раньше шли на покупку природного газа. Подсчитано: использование торфа позволяет ежегодно замещать до 590 млн. кубометров голубого топлива стоимостью \$ 107,7 млн. И это при том, что доля торфа в общем объеме топливно-энергетических ресурсов составляет всего 15 %, а в энергобалансе страны — и вовсе колеблется в пределах 2—3 %. Цифры ничтожно малы, если учесть, что по добыче торфа мы занимаем третье место в мире, а по производству торфобрикетов — первое. Но даже этого хватает, чтобы теплом и электроэнергией, получаемыми от сжигания черных «кирпичиков», обеспечить около 1 млн. жителей.

Свои интересы на первом месте

Совсем скоро, уверяют специалисты, положение дел должно поменяться в лучшую сторону. Не зря же начиная с 2002 года проходит модернизация отрасли, а с 2008 го действует госпрограмма «Торф». В результате многие заводы уже переоснастили свои мощности. Тем более что необходимое оборудование и машины — не хуже советских и импортных, но приятнее по цене — научились делать у нас. Объем выручки за это время вырос более чем втрое, с \$ 27,5 млн. в 2002 году до \$ 86,2 млн. в 2013-м. И хотя произошло сокращение числа производств с 24 до 19, их мощности и технологические возможности позволяют ежегодно выпускать до 1,4 млн. тонн брикета. Практически столько и было изготовлено с ленты в 2012-м.

В прошлом году объемы производства в силу объективных причин пришлось сократить. «Во первых, внесла свои коррективы теплая зима. А во вторых, в Европе отменили субсидии, которые распространялись на предприятия, сжигающие брикет. Следом мы перестали конкурировать с углем из Венесуэлы и США, который в 2013 м в балтийских портах стоил \$ 85 за тонну, хотя годом ранее был \$ 125—145. Для сравнения, экспортная цена брикета в 2012 году была € 50—54 за тонну, в 2013 м — € 47—48. Но надо понимать, что европейцы покупают топливо, ориентируясь не на показатель веса, а на калорийность. А вот энергии в угле в два раза больше», — поясняет заместитель генерального директора ГПО «Белтопгаз» Валерий Ковалев.

Так наша страна потеряла завоеванные позиции на внешних рынках. Ушли клиенты, в том числе и две крупные шведские электростанции, куда ежегодно уходило 130—150 тыс. тонн брикета.

В общей сложности экспорт в денежном выражении в 2013 году снизился в два раза, примерно до \$ 10 млн., в количественном — в 2,3 раза, до 165 тыс. тонн против прежних 392 тыс. тонн.

«Но думаю, что цена на уголь не будет такой низкой всегда и скоро снова вырастет. Сидеть сложа руки все это время мы не собираемся. В прошлом году пробные партии брикета предложили мощным электростанциям Финляндии. Планируем, что на будущий сезон заключим и другие контракты. Скандинавский рынок в этой части непростой: с начала сотрудничества до реализации проектов проходит много времени. С другой стороны, есть время, за которое нужно уменьшить издержки в себестоимости продукции, чтобы мы могли конкурировать в дальнейшем с углем и биотопливом», — строит планы Валерий Ковалев.

Не стоит забывать и про потребности внутреннего рынка. Сегодня более половины торфа и брикетов, производимых в стране, суммарно потребляют население, ТЭЦ и котельные. И если в последнее время количество заявок от граждан уменьшается, то спрос со стороны энергообъектов растет. На них в 2013 году было поставлено 88,6 тыс. тонн топливного, или фрезерного, торфа и 43,6 тыс. тонн брикета.

Кстати, переводить свои линии на торф собираются даже цементные заводы. Так предприятия не только поддерживают местного производителя, но и экономят. Специалисты рассказывают, что только Жодинская ТЭЦ в среднем сохраняет Br 15—16 млрд. в год за счет перевода одного котлоагрегата с газа

на торф. Подобную выгоду просчитали и на самих заводах производителей. «В одно время, когда был дешевый газ, мы перешли на него, чтобы не тратить ресурсы и не выпускать больше брикетов. А сейчас снова вернулись к сжиганию отходов торфа, что позволяет ежегодно экономить более Br 3,5 млрд., отапливать производство и поселок», — рассказывает главный инженер одного из старейших торфобрикетных заводов «Усяж» Василий Сивко.

Максимум пользы при минимуме затрат

В целом на территории страны насчитывается около 9 тыс. месторождений торфа общей площадью 2,4 млн. га. Общие геологические запасы полезного ископаемого оцениваются более чем в 4 млрд. тонн. При этом специализированные заводы сегодня разрабатывают всего 44 залежи. В последние годы из земли извлекается 2,6—3 млн. тонн торфа в год. Из них 2,3—2,7 млн. тонн идет на производство брикета (на выходе получается 1,2—1,4 млн. тонн продукта), 112—131 тыс. тонн фрезерного торфа поставляется на ТЭЦ и в котельные, из 90—131 тыс. тонн верхового торфа производится кипованный торф и грунты, 20—25 тыс. тонн используется для приготовления компостов, а также получается 14—20 тыс. тонн кускового торфа.

Цифры могут заметно подрасти, если к задействованным площадям добавить ранее считавшиеся неперспективными участки. Те, где сырье есть, но его количество не оправдывает строительство полноценного завода вблизи. В «Белтопгазе» совместно с российской компанией как раз разрабатывается новое направление — брикетные мини производства. Первый модульно блочный завод за месяц смонтировали на базе Лидского ТБЗ и уже начали выпускать брикет. Стоит такое предприятие производительностью 20,4 тыс. тонн брикетов в год \$ 2 млн., окупиться должно за 4 года. «Поставим пять таких заводов — дополнительно будем получать 100 тыс. тонн брикета. При этом затратим всего \$ 10 млн. В то время как строительство полноценного производства на 100 тыс. тонн стоит порядка \$ 100 млн. А посчитать еще расходы на инфраструктуру, чтобы создать комфортные условия жизни для семей трех сотен работников... Для обслуживания же мини завода, при условии круглосуточной работы, понадобится 10 человек. Поработали пять шесть лет — демонтировали и перевезли в другое место», — открывает перспективы Валерий Ковалев.

Действительно, так можно и мощности нарастить, и в сторону заказчиков не поглядывать. Тем более что, по предварительным данным Института природопользования НАН, в нераспределенном фонде находится 1,2 млрд. тонн торфа. «Резерва хватит еще на 100—150 лет работы мини заводов. И это без учета того, что торф прирастает на 1 миллиметр в год», — сообщил главный научный сотрудник института академик Иван Лиштван.

Специалист считает, что, вопреки мнению экологов, добыча полезного ископаемого не наносит того урона природе, который ей приписывают. Ведь после выработки месторождения возвращают в их естественное состояние. На восстановление одного гектара в среднем уходит примерно \$ 50. Было болото — насосные станции демонтируются и затапливаются, а животный и растительный мир постепенно возвращается на прежние места. Землю для будущего леса или сева сельхозкультур готовят до нужного состояния за счет торфопредприятий. «Согласно отчету Института мелиорации, если после выбытия месторождения не вкладывать деньги в регулирование уровня стояния грунтовой воды, профилирование, природа сама за 7 лет вернет освободившимся площадям первозданный вид», — делится наблюдениями Иван Лиштван.

Кстати

Традиционно своеобразная «уборочная кампания» торфа официально начинается с мая и длится по сентябрь. Практически же главная техника на полях добычи приступает к работе, как только установится по настоящему теплая погода, чтобы полезное ископаемое могло просушиться до 40—45 % влажности за кратчайший срок. В нынешнем году, если не произойдет никаких природных метаморфоз, сезон может начаться уже в апреле.

Фото: Юрий МОЗОЛЕВСКИЙ